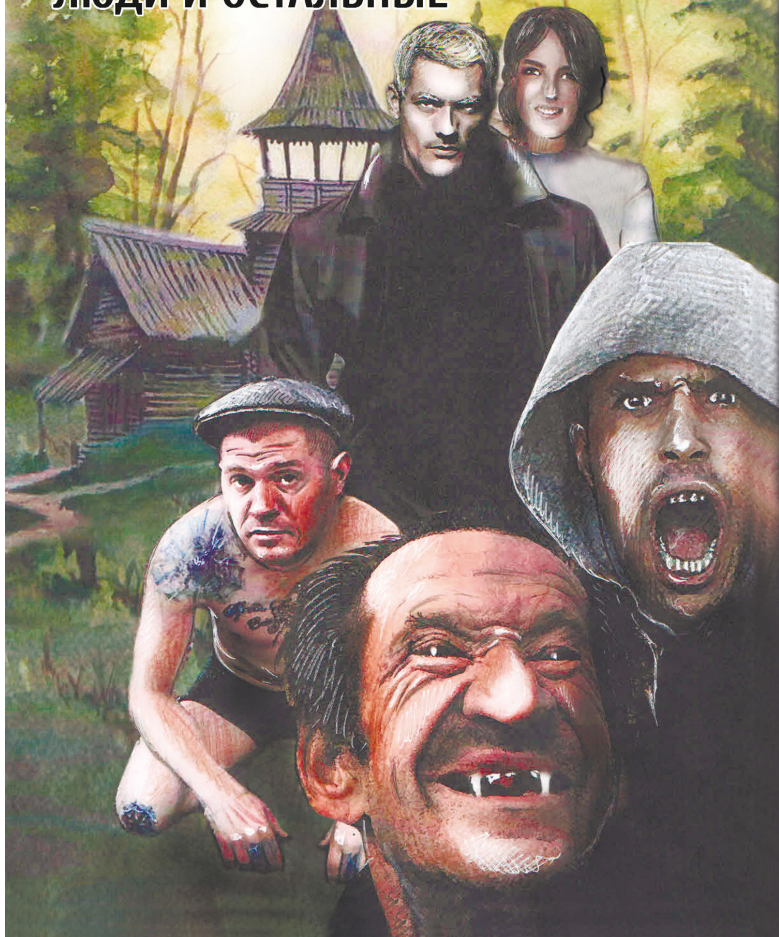

Юрий С. Шевчук

СВ
ОВРЕМЕННИКИ
И К ЛАССИКИ

ЛЮДИ И ОСТАЛЬНЫЕ

Юрий Сергеевич Шевчук

Люди и остальные

Серия «Современники и классики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48542612

Шевчук Ю. Люди и остальные: Интернациональный Союз писателей;

Москва; 2019

ISBN 978-5-00153-145-6

Аннотация

Добро пожаловать в мир, в котором вместе живут представители разных разумных видов, внешне неотличимых друг от друга. Кикимора издает литературный журнал, оборотни защищают окружающую среду, Баба Яга работает фельдшерницей, орки занимаются лесозаготовками, а люди... Люди пытаются сохранить шаткий мир между этими видами, по мере сил выступая арбитрами в межвидовых спорах. Повесть относится к жанру детективной фантастики, но каждая её глава выполнена в своём поджанре – «деревенский детектив», или «военный детектив», или «триллер»... Главы объединены только главными героями – сотрудниками некоего «Центра изучения аномальных явлений» – секретной службы, маскирующейся под научное учреждение.

Содержание

Глава первая. Дело о святилище ящера	9
Глава вторая. Тварь (частное расследование)	37
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юрий Шевчук

Люди и остальные

© Юрий Шевчук, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Юрий Сергеевич Шевчук – журналист, радиоведущий, писатель, общественный деятель.

Родился в 1960 году, общественной деятельностью в области охраны окружающей среды занимается с 1979 года. Начинал во Всероссийском обществе охраны природы, в 1986 году организовал свою экологическую организацию – Бюро экологических разработок. С 1989 по 1992 гг. – член президиума Совета зеленого движения России. С 1993 года работает на различных должностях в системе Зеленого Креста. В настоящее время – председатель Северо-Западного Зеленого Креста России. Учредитель Радиостанции «Открытый Город», ведущий ряда цикловых передач (1991–2007). Директор и ведущий радиостанции «Свободный Голос» (2006–2008). Сотрудничал с рядом газет и журналов: «Сельская молодежь», «Невское время», «Час пик», «Петербург: место и время» и многими другими. Автор ряда книг: «Иллюстрированного путеводителя по Ленинградской области», сборника очерков о Ленинградской области «В поисках чистой воды», сборника «Удивительные и загадочные места Ленинградской области», энциклопедической книги «Ленинградская область: территория успешных людей». Автор цикла «Мир в 2050 году» на сайте «Мозгократия». Автор 18 телепередач по книге «Удивительные и загадочные места Ленинградской области». Член Общественной Палаты Ленинградской области. Председатель Общественного экологического Совета при Губернаторе Ленинградской области. Член

совета по проблемам охраны окружающей среды при Правительстве Санкт-Петербурга. Член общественного совета при Департаменте лесного хозяйства СЗФО. Обратная связь: <https://vk.com/zelenkrest>

Путру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную – зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и разуму. Я защищен знанием от их зла. Они не могут вовлечь меня во что-либо постыдное. Но нельзя и гнаться, и ненавидеть тех, кто мне родственен. Мы созданы для совместной деятельности, как ноги и руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу – противно природе; а досадовать и чуждаться таких людей и значит им противодействовать.

Марк Аврелий. НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Люди и остальные

Мы сейчас и представить не сможем, как выглядел бы наш мир, если бы в далеком прошлом психика всех разумных существ, включая и людей, не выработала

такой спасительной в полном смысле этого слова слепоты, позволяющей нам не замечать коренных различий между разумными обитателями нашей планеты и всем вместе, рука об руку, идти по направлению к прогрессу и всеобщему благосостоянию.

Виктор Николаев, первый президент республики Ингрия
(из книги «Происхождение видов, государств и частной собственности»)

Глава первая. Дело о святилище ящера

Пробуждение после самогона, в который для глубины отрубца еще и димедрола добавили, всегда мучительно – спазмы скручивают тело, голова разрывается от непереносимой боли, глаза не видят... Впрочем, глаза, похоже, сейчас не видели по другой причине – вокруг просто было темно. Петр Григорьич попытался было подняться с кровати – и обнаружил, что, во-первых, кровати никакой нет, а есть солома на камнях, а во-вторых, что кто-то его связал. Связал и бросил в эту каменную темную яму, где омерзительно пахнет и нечто странное шевелится в углу... Резкий и высокий, на пределе слышимости, свист на мгновение привел дрожавшего пьяного мужичка в чувство, а затем невероятная тяжесть обрушилась на связанное тело, ломая человеку кости...

* * *

Сотрудники самой секретной службы в Ингрии, называемой для конспирации Центром изучения аномальных природных явлений или просто ЦЕНТРОМ, так как другого Центра в Ингрии не было, Андрей и Карина, ехали в служебном джипе по дороге, которая скорее напоминала русло вы-

сохшей реки, чем сооружение для передвижения на автомобилях. Глиняная неровная полоса, в булыжниках, поднятых дождями на поверхность, пробитая в плотном лесном дерне, спускалась вниз, к болоту.

Не доходя до серо-зеленой плоскости, расширяющимся языком тянувшейся до горизонта, глиняная лента терялась в бурьяне пригорка, нависавшего над низиной капитанским мостиком. На пригорке стоял одноэтажный дом с мезонином. У входа еще сохранились обглоданные плесенью стволы колонн, крыша просела, окна, кроме одного, снаружи были плотно забиты досками.

Карина остановила джип довольно далеко от дома, под еловыми ветвями, со стороны заката.

Андрей вышел, с наслаждением потянулся и вдохнул сырой, пахнущий грибами, хвоей и опавшими листьями воздух.

– Самое любимое время года, – сказал он. – Комары уже исчезли, а морозы еще не наступили... Это, Карина, бывшая усадьба художника Пегова, Ивана Мстиславовича, из мещан, разбогатевшего на заказах вывесок для бакалеи. Считался хлебосольным хозяином, принимал здесь Римского-Корсакова – тот писал в этой усадьбе «Садко».

– Почему он устроился возле болота? – спросила Карина, доставая из кобуры под легкой курткой пистолет и снимая его с предохранителя.

– Тому были две причины. Первая – явная – Иван Мсти-

славович хотел жить поближе к Поленову, а его усадьба – в Имоченицах, неподалеку. И вторая – клад боярина Вындомского, по преданию утопленный в этом болоте, когда в феврале 1672 года Тихон Вындомский, большой, надо сказать, разбойник, был сослан в Сибирь. Клад, кстати сказать, так и не нашли. Род Вындомских вообще-то не из одних бандитов состоял. Прасковья Осипова, близкий друг Пушкина – урожденная Вындомская...

Говоря все это, Андрей медленно подходил к единственному незабитому окну, за мутным стеклом которого неподвижно маячила чья-то тень.

– Убийца, ты снова здесь? – Старческий голос еле слышно донесся из-за стекла.

– Не прячься, Николай Гаврилович, солнце почти зашло, – сказал Андрей. – Появись, не откажи в беседе.

За окном закашляли, зашебуршали. Одна из оконных половинок отворилась, и из образовавшейся щели потянуло запахом лекарств, старости и еще одним – сладковатым и тревожным. Андрей и Карина ждали.

В окне, щурясь и моргая, образовался старичок – в засаленной телогрейке, застегнутой плотно у ворота, с коричневыми старческими пятнами на руках, с редким седым пушком на непокрытой голове.

– Знакомься, Николай Гаврилович: моя новая напарница – Карина Вартановна, – сказал Андрей. – Карина, позволь представить последнего здешнего вампира. Всё пьешь, Гав-

рилыч?

– Да ты что, Андрей Эрнстович! Давно завязал. Да и что тут пить-то? Места безлюдны, волки только заходят, да они сами кого хочешь схарчат, волки эти. Вот ты бы, Андрей Эрнстович, с волками бы лучше разобрался, а то Игорек совсем беспредельничать начал. Веришь, когда щенком был, я его на коленях качал, за ухом чесал, кровью из бутылочки с соской поил...

– Мама Игоря бросила выводок и в людском облике эмигрировала за рубеж, – пояснил Андрей Карине. – Мальчик действительно не получил надлежащего воспитания, с этого и все его беды. Николай Гаврилович! Почему из дому кровью несет, как брагой от самогонного аппарата?!

– Дык ведь не людской кровью, Эрнстович! Это овечки, мне Игорек по старой дружбе приволакивает. Овечки! Ты за этим пришел, что ли? Решил меня за овечек шлепнуть, как всех, как маму, как братьев, как Любашку? Всех решил извести, да?

Андрей молча достал из-за пояса нож. Карина, уперев крепче ноги в землю, поймала голову вампира в прицел пистолета. Правой рукой, не выпуская ножа, Андрей неловко закатал левый рукав плотной рубахи и, обнажив запястье, легко надрезал свои вены. Руку, облитую кровью, с пульсирующим фонтанчиком, он протянул в окно.

С лицом Николая Гавриловича произошла резкая метаморфоза. Глаза широко открылись, и зрачки залили всю ра-

дужную оболочку. Губы раздвинулись, обнажив ряд на удивление крепких и длинных зубов. Их казалось больше, чем положено иметь человеку. Ноздри вампира зашевелились. Последним усилием воли он удержался, не впился сразу в маячившее перед глазами окровавленное запястье, спросил:

– Заразиться не боишься, Эрнстович?

– Ты ж меня кусал уже, Николай, – пожал плечами Андрей. – Ты пей, пей... Не бойся. Граммов двести я тебе налью, больше не взыщи, мне еще работать сегодня...

Вампир, с чавканьем сглотнув слюну, прильнул губами к кровоточившему запястью.

Минуты через три он довольно откинулся, смущенно вытирая рукавом губы.

– Ну, Эрнстович, ну, уважил, бляха-муха, – заплетаясь языком произнес Николай Гаврилович. – Ну ты человек! Конечно, ты нас под корень извел, но я по-омню, помню все: пожалел пацана, не стал колом бить...

– Пацана? – удивилась подошедшая Карина, залепляя пластырем порез на руке Андрея. – Сколько же вам лет?

– Зимой двадцать три будет, – произнес Николай Гаврилович. – А десять лет назад, когда ваши опера нагрянули, пацаном совсем был. Если бы не Андрей Эрнстович, и меня серебром бы пожгли...

– Вампиры быстро стареют, если лишаются человеческой крови. Кровь животных лишь утоляет голод, но не служит источником необходимых химических веществ, которых ор-

ганизм вампира не вырабатывает. Поэтому Николай, например, не может покидать свой дом при свете дня. Вампиризм – просто болезнь. Болезнь, передающаяся по наследству, заразная, но не слишком... Во всяком случае, у меня, по-видимому, к ней иммунитет. Болезнь, к сожалению, неизлечимая, – сказал Андрей.

– Значит, десять лет назад наша служба не изолировала вампиров, как сейчас, а просто истребляла безнадежно больных людей, – произнесла Карина.

– Именно так, – кивнул Андрей. – В оправдание тогдашнему руководству ЦЕНТРА можно сказать, что эпидемия вампиризма, распространившаяся по здешним местам, приводила к значительным жертвам. Две сотни вампиров и прикнувшихся к ним ликантропов убили около тысячи человек и иных существ, пока с ними не было покончено.

– Ну ты загнул – тысячу, – сказал Николай Гаврилович. – Да только наша семья, что ни день, а свежие косточки в болото выкидывала. Лихие года были... Лихие... Редко когда я, малец, спать ложился без стакана парной кровушки... Тысячу... Считай – три тысячи. Но ведь не только людей: и своих харчили, было такое... А когда деньги были – и донорскую покупали. Мы же не звери какие, не думай, девушка. Хотя скажу: консервы на вкус – они и есть консервы...

– Ладно, Гаврилыч, ты, я вижу, не пропадаешь тут, – фальшиво-бодрым тоном сказал Андрей. – Бывай, Игорьку привет передай, а мы поехали.

– А куда, коли не тайна? – спросил, вновь насторожившись, вампир.

– Да в Яровичи, – ответил Андрей. – Оттуда в Большие Содомища, затем в Малые Содомища. Там, говорят, музыкальные гении родились: девочки хой-группу образовали, лучше «Тату» играют... Да ты что, Николай?

Вампир явно был перепуган. В сумеречном свете он казался каким-то синим. Николай Гаврилович дрожал и прищёпывал:

– Н-н-не н-н-надо в Яровичи! Нельзя туда, н-н-нельзя! Чудовище там живет. Ящур! Аспид огромный, а люди этому аспиду служат. Убьют они тебя там, начальник, и аспиду скормят. Веришь, нет?

– Верю, Николай Гаврилович. Конечно, верю, – ответил Андрей. – Так ведь тем более ехать надо.

– Ну так солдат возьми да и поезжай, – предложил Николай Гаврилович. – Охрану возьми, говорю. Что с одной девахой ехать?

– Настрелялся я, – отвернувшись, пробормотал Андрей. – Хватит. Ладно, Гаврилыч. Прости, если до сих пор не простил. А мы поедem.

– Напрасно ты это... – Вампир вздохнул и с длинным скрипом затворил окошко.

В закатных лучах плотный покров лишайника на земле и деревьях казался серо-розовым. Меж кустарников и молодых деревьев засверкали какие-то плотные нити. В болоте

все явственнее хлюпало, чавкало, шумело. Издалека донесся волчий вой.

– Едем, Карина, действительно, а то застрянем где-нибудь ночью в кювете... – Андрей тяжело забрался в машину.

Карина села за руль и повернула ключ в замке зажигания.

– Ты действительно знал о чудовище в Яровичах? – спросила она, после того как вывела джип на нормальную шоссеиную дорогу.

– Я знал о странной живучести языческих культов на берегах Ояти, – ответил Андрей. – Я знал о Святой пещере у поселка Яровичи, веками использующейся для ритуальных целей. Сведения о ней есть в опубликованных источниках. Но я также знаю – и мне бы хотелось, чтобы и ты это знала тоже, – что люди или нелюди убивают других людей или нелюдей по самым обыденным причинам. Пусть даже в объяснение они приводят, к примеру, жертвоприношение силам Тьмы. И причин таких всего две: либо собственная несостоятельность, либо недостаток финансовых средств... Ну, вот уже и Яровичи. Теперь направо и через деревню к озеру, там останови у церкви. Хотя нет. Погоди, давай посмотримся. Притормози у магазина.

Здесь деревенская улица слегка расширялась, образуя подобие площади. У магазина стояла скамья, в данный момент пустая. Андрей и Карина вышли из джипа. Было очень тихо. Только у реки играла далекая гармонь и кто-то пел. Огромное чистое звездное небо казалось пугающе близким. С ше-

лестом опустился опавший лист. Из труб на крышах домов в темное небо тянулись светлые нити осеннего печного дыма.

Песня под гармонь приближалась. Постепенно стало возможно различить слова. Это была одна из множества народных песен о женской неудовлетворенности: «Моторочка-моторка, не надо в берег бить, не надо зазнаваться, увлек – давай любить...» Кажется, так звучали слова в этой песне.

И тут из-за поворота вышли поющие. Посередине шел гармонист, мальчонка лет шестнадцати. Взгляд у него был совершенно бессмысленный, но пальцы складно двигались по кнопкам и клавишам гармони. По обе его стороны раскрасневшиеся, довольные, благодатные, шли бабы – дородные, пышные, видимо разного возраста, но с виду всем им казалось лет под сорок. Было их менее десятка: кто пел, кто семечки щелкал, кто просто улыбался, счастливо глядя вокруг. Проходя мимо Карины с Андреем, все, кроме пялившегося вдаль гармониста, поздоровались, и агенты ЦЕНТРА ответили им тем же, а Андрей еще и добавил:

– С легким паром, бабоньки.

– Спасибо на добром слове, – ответила одна, задержавшись. – А вы к кому приехали-то, коли не секрет?

– К отцу Геннадию, красавица, – ответил Андрей. – Мы историки новейшего времени. У вас тут вроде лагпункт был...

– Был, дорогой, был... – задумалась баба. – Да весь вышел. Там сейчас и нет ничего, смотреть не на что... А отец

Геннадий вон там: к озеру спуститесь – там и живет... Да что вам у него ночевать? Скромно у бабушки. Идите ко мне. Как у меня мужик пропал, места много стало...

– Спасибо вам, гостеприимная, – сказал Андрей. – Да вот не поздно ли будет к вам в дом ломиться? Нам с отцом Геннадием обязательно сегодня надо поговорить. А времени уже многовато.

– Ничего не поздно, – даже обиделась баба. – Мы с дочкой рано спать не ложимся. Думаете, если деревня, так с курами засыпаем? Наш дом – вон, крыша горбиком, видите? Приходите обязательно, хоть под утро. Мы ждать будем, я сейчас пироги поставлю, с грибами. Будете пироги-то?

– Хорошо, хозяйка. Перед пирогами не устоим. Спасибо, – согласился Андрей.

– А грибы-то – они всякие бывают, – без выражения, тихо произнесла Карина, когда баба уже удалилась.

– Это верно, – подтвердил Андрей. – Постоим еще...

Зажегся фонарь. Тусклый свет появился в окнах. Где-то замерцало синим – видимо, включили телевизор. Темные деревья придвинулись. Из промежутков меж домами по двое, по трое стали появляться парни, квадратные, коротко стриженные, как один в широких штанах. Их сопровождали отчаянно раздетые девицы, зябко поведившие плечами этим уже прохладным северным августовским вечером. Парни, по-пингвиньи растопырив локти, о чем-то переговаривались, пили пиво – бутылку в три глотка – и водку без закуски.

Курили сигареты: тянуло дымом. Девушки хихикали, повизгивая. Потом включили магнитофон, слушали какой-то рэп.

– Их беда в том, что они выглядят людьми, – сказал Андрей. – Если бы мы видели их истинный облик – и спросу бы никакого не было. Ладно, поехали.

Джип почти бесшумно съехал под горку и остановился на высоком берегу реки у церкви.

– Андрей, – Карина тихо подошла к нему со спины, – тебе не кажется, что за нами наблюдают?

– Откуда? – спросил Андрей.

– С того берега. Из леса. От этих деревьев. С кладбища. – Карина глазами обвела круг.

– Это лес. Он наблюдает за нами. Большие деревья, они... тоже слегка разумны... – Андрей внезапно потерял интерес к разговору. – В общем, это не опасно. Пойдем-ка лучше в дом.

Отец Геннадий жил в маленькой избушке, по размерам больше на баньку похожей. Андрей деликатно постучал, и священник, не спрашивая, распахнул дверь.

– А я все жду! Вижу – приехали, а не заходите. На храм залюбовались? – Отец Геннадий оказался совсем молодым человеком, возможно, моложе Карины. Редкая борода не придавала ему солидности.

– Добрый вечер, отец Геннадий, – склонив голову, произнес Андрей. – «Дети вдовы просят о помощи».

Улыбка сползла с лица священника. Он посторонился,

пропуская гостей. Андрей и Карина через сени прошли в избу. В глаза бросился несоразмерно большой кипящий самовар на столе и затем – икона над лампадкой, видно, что очень древняя, темная, лишь золотом светился нимб.

– Ну, заходите, коли пришли, – бесцветным голосом произнес отец Геннадий. – Не откажетесь разделить мой ужин?

– Не откажемся. – Холодность священника привела Андрея в веселое расположение духа. – Карина, принеси там из багажника... Вы, святой отец, никогда с нашей службой не сталкивались?

– Почему же? – Отец Геннадий уселся у фыркающего самовара. – В Академии ваш сотрудник читал спецкурс. Там и общий пароль узнал.

– Ах, спецкурс, – поморщился Андрей. – Ну-ну.

Вернулась Карина с плотно набитым полиэтиленовым пакетом, из которого стала выгребать консервы, упаковки сыров, запечатанные коробки со сладостями...

– Я – специальный агент ЦЕНТРА, зовут меня Андрей Эрнстович, – сказал Андрей, демонстрируя удостоверение. – Карина Вартановна – моя напарница, месяц как перестала быть стажером. Я знакомлю ее с местностью, на которой ей предстоит работать. Вы, я понимаю, человек новый. Но с вашим предшественником мы давно и успешно сотрудничали.

– Я знаю. Он рассказывал мне. – Отец Геннадий налил всем чаю.

Карина разложила принесенную снедь по тарелкам.

– Несмотря на позицию руководства церкви, вы совершенно не обязаны помогать нам, если не желаете, – сказал Андрей. – Мы даем слово, что не сообщим о вашем отказе нашему начальству.

– Вы знаете, почему у вас такой пароль? – спросил священник.

– Пароль не меняется уже лет пятнадцать. К нам пришел от манихеев. По мнению основателей ЦЕНТРА, должен подчеркивать изначальный дуализм нашего мира, состоящего из двух взаимозависимых частей: одухотворенного разума и разума тварного, – повинувшись взгляду Андрея, произнесла Карина.

– Дуализм – то же многобожие, – сказал священник. – Вы в своей деятельности исходите из того, что у мира есть второе, злое начало, с порождениями которого, называемыми вами «сущностями», вы боретесь. Это заблуждение, которое в свое время переродило инквизицию, заставив ее сеять зло вместо защиты добра.

– А на самом деле Бог един и Он добр, – кивнул Андрей. – А еще вы мне можете рассказать о попущении Божьем.

– Зло и его порождения возникают не потому, что их сотворил некто, по силе равный Господу. Дьявол вообще не может творить, он лишь имитирует творение, – произнес отец Геннадий. – Зла нет. Зло есть умаление добра. Свет везде. Но от света можно спрятаться. В этом обратная сторона свободы воли человека. Добро можно просто не совершить.

Или извратить. Или разрушить. Помните притчу о добром оборотне?

– Помним. Но разве не следует остановить того, кто разрушает, убивает, уничтожает? – спросила Карина.

– Следует, Карина Вартановна, – кивнул священник. – Конечно же. В Писании и об этом сказано. Но тут главное – как остановить. Очень часто, уничтожая одно зло, вы порождаете другое.

– Вот вы так много о зле знаете, – сказал Андрей. – А вы, отец Геннадий, дьявола, часом, никогда лично не видели? А то модель ада у вас есть, мы мимо проезжали. Банька старая с пауками... Впрочем, дьявол у вас тоже есть – вон, из самовара выглядывает. Даже три дьявола. Вот мы как там отражаемся, да ещё и рожи кривые корчим. И других дьяволов, по моему мнению, нет и никогда не было. Напрасно вы нас манихейством попрекаете. Зло как следствие наличия свободы воли, сопряжённой с естественной собственной слабостью, именно человек принес в мир. А, кстати, вовсе не сущности, которые свободы воли, по сути, лишены. И в этом, мне кажется, истинный дуализм.

– Но сила не может создать доброту, – сказал отец Геннадий, выделив голосом слово «создать».

– Разумеется, – согласился Андрей. – Добро должна создать вера. Вы не поверите, но я очень рад, что мы встретились. Вы, я вижу, именно тот человек, который здесь нужен.

– Что вы знаете об Яровичах? – сразу насторожился отец

Геннадий.

– Что рядом с вашим храмом здесь существует языческое капище, – сказал Андрей, – в котором местные жители, в подавляющем большинстве своём – не биологические люди, а потомки ассоциированных видов, содержат редкое плотоядное животное.

– Это – уголовно не наказуемо, – сказал священник.

– Да. Но человеческие жертвоприношения караются в том числе и Уголовным кодексом, – сказал Андрей. – Сколько людей пропало у вас в селе в этом году?

– Три человека. Но это случается. Знаете, в деревне нашей, как и везде в округе, впрочем, много пьют. Причем пьют и дома, и в лесу, и на рыбалке... Пьяный человек легко может, допустим, утонуть. Да еще и волки, бывает, прямо к селу подходят...

– Отец Геннадий... – Андрей секунду помолчал. – Наша служба изучает опасные для людей аномальные природные явления. Понятие это, конечно, широкое. Но животное-людоед вполне подходит под нашу юрисдикцию. Поэтому я прошу вас: если вы что-либо знаете... или догадываетесь о чем-то... поделитесь с нами.

– Андрей Эрнстович... – Отец Геннадий говорил в большом смущении. – Вы, видимо, неглупый человек. Как же вы можете всерьез обсуждать темное народное суеверие? Ведь это все равно что изучать древнего каменного идола, ожидая, что он будет оживать по ночам!

– У нас, отец, и камни, бывает, рыдают, как дети, – встала своё лыко в строку Карина.

– Ладно, отец Геннадий. – Андрей допил чай и встал из-за стола. – Не получается у нас доверительная беседа, как говорили в старых чекистских фильмах. Спасибо за угощение, мы пойдем. Тут одна добрая женщина предложила нам ночлег.

Уже в сениях отец Геннадий, покраснев, все-таки сказал:

– Вы согласны, что есть на самом деле ящер или нет – не так ведь и важно, правда? Главное – почему люди или, допустим, сущности, предпочли ящера Господу. Ну найдете вы пещеру – я не знаю, где она, но догадываюсь, что в районе заброшенного лагпункта, где камень добывали, ну убьете ящера... Вместо одного появится другой. Вот ведь что страшно... В этом селе я столкнулся с неожиданно естественной, глубинной верой в манихейский дуализм. Теперь я понимаю, что испытывал святой Доминик, когда проповедовал на юге Франции, в альбигойских деревнях. Но я никогда не пошел бы его путем, не создал бы инквизицию. И не могу поддерживать ее методы, тем более когда их применяют служащие карательных органов, маскирующиеся под ученых-исследователей. Простите...

* * *

В доме, где крыша горбиком, несмотря на поздний час,

агентов ЦЕНТРА ждали, как и было обещано.

Статная, дородная хозяйка в сорокалетнем соку и ее не менее пышнотелая двадцатилетняя дочь быстро накрыли на стол и усадили Андрея и Карину ужинать – во второй раз за вечер. В меню действительно преобладали пироги с разными лесными начинками.

– А где мужик-то ваш, Марья Петровна? – обратился Андрей к хозяйке.

– Да в лесу два года как сгинул, – беспечно махнула рукой Марья Петровна. – Пошел за грибами, алконавт несчастный, а назад и не вернулся. А и ладно, невелика потеря. Тоже мне – мужик! Две щепки да горсть соплей.

– Так вот и живете одна?

– А у нас половина баб живет одна. Мужики-то кто перемерли, кто в город подались и там пропали. Все одно как в лесу. Да вы сами посудите, Андрей... все забываю, как по батюшке вас?

– Эрнстович.

– Эрнстович. Нерусский, значит?

– У меня отец немец. Из русских немцев. А Карина Вартановна наполовину русская, а наполовину армянка.

– Ага. Поняла. Не дура, значит. Ну, а мы тут вроде все сплошь русские. Так что я говорила-то? Да, по поводу мужиков. Что у нас парням делать? Старики говорили, пока лагпункт был, в охрану мужики шли. Форму давали, тулуп, карабин. Форма, оружие – все же дисциплина, правильно?

Опять же пить запрещали. На службе. Ну, после того, как Берию разоблачили, весь СвирьЛАГ закрыли. И наш лагпункт тоже. Вначале лес да камень добывали, а теперь, говорят, все как-то дешево продаваться стало. Только огородом да грибами с ягодами спасаемся. Ну, скот у кого есть – хорошо. Да все это не занятие для мужика. Вот и пьют, и помирают.

– Выходит, если бы в Яровичах открыли вербовочный пункт французского Иностранного легиона, все социальные проблемы были бы решены? – спросил Андрей.

Молчавшая до сих пор дочка Марьи Петровны вмешалась:

– Французский не французский, а если бы в армии нормально платили, многие ребята туда пошли б. Ну нет денег в деревне, поймите, нет. И заработать негде. Вот говорят: «Интернет, глобальные коммуникации...» А только если света нет, то какой тут Интернет? Я в райцентр ездила, чтобы в службу знакомств выйти.

– Такая красавица – и ищите себе друга через службу знакомств? – удивилась Карина.

– Да какая там красавица! У нас здесь все такие и, если сутки на восток проехать, опять такие же будут. А настоящих парней здесь действительно нет – одна мелкота по пояс. Пыжаты, а без толку. Будущего у них нет, понимаете?

– Что тут не понять, – сказал Андрей. – Подумаешь, бинном Ньютона. Только ведь и солдаткой жить не сахар. Муж три года вне дома, да еще и убить могут.

– Ну, это хоть что-то, – пожала плечами дочь. – Понима-

ете? Хоть какая-то перспектива.

Они сидели в самой большой комнате Марии Петровны. Здесь было уютно: по-деревенски, с перегруженностью деталями. Ничего похожего на аккуратную бедность отца Геннадия. Широкую стену комнаты занимала задняя сторона русской печи; в длинной стене было прорублено два окошка, за которыми стояла темнота. Темнота простиралась километров на пятьдесят, до следующей деревни, где слегка разбавлялась мутным желтым светом маломощных ламп и опять сгущалась над широкой полосой болот, отделявших Ингрию от соседей.

Мария Петровна хотела было постелить Андрею и Карине на своей широкой двуспальной кровати, но Андрей сказал, что у них есть спальники, и попросился на сеновал.

Сеновал действительно обнаружился – в сарае, рядом с домом. Там было тепло и густо пахло сухим разнотравьем. Андрей и Карина разматывали спальники, приготовили оружие, чтобы было под рукой, и вышли ненадолго на двор посмотреть на звезды. Небо было глубокое и безоблачное.

– Знаешь, я именно так и представляла свою работу в ЦЕНТРЕ, – сказала Карина. – Странные существа, удивительные люди, драконы, с которыми приходится сражаться... Вообще-то я трусиха, но с тобой мне не страшно. Ты так все хорошо понимаешь...

– Просто давно работаю, – пожал плечами Андрей. – Когда последний раз – месяц тому назад – беседовал с ликан-

тропом, в человеческом облиции, конечно, больше всего боялся подцепить от него блох. Должен признаться, я никогда не хотел работать в нашей конторе. Я ведь когда-то был этнографом. И, говорят, неплохим.

– А почему бросил науку?

– Из-за профнепригодности. Невозможно изучать то, что по мере познания все сильнее презираешь. Как можно исследовать другие культуры, когда твердо знаешь, что культура одна, а всё прочее – более или менее опасное варварство... А почему ты пошла в полевое, а не в Санкт-Петербургское управление?

– Я вначале стажировалась в городе, – ответила Карина. – Но там очень скучно. Днем отсыпаемся или бумаги перебираем. А ночами выезжаем на захват по адресам, которые сообщают чаще всего почему-то соседи аномальной квартиры. Хозяева сами редко жалуются... Хватаем сущность, зачитываем права, а потом отправляем на спецполигон. Просто какие-то «охотники за привидениями». Только на черных автомобилях.

– Да, в Питере в основном беспокойство от сущностей нематериальных, привидений да полтергейстов, – согласился Андрей. – Нет ни эльфа, ни гоблина... То есть все они там есть, только лучше мимикрируют. Ладно, давай спать. Утром навестим наше чудовище.

После обильного завтрака (яйца, творог и пироги), устроенного стараниями Марьи Петровны, агенты ЦЕНТРА уселись в джип и отправились в сторону разрушенного лагпункта. К нему аккуратными кубическими камнями черного гранита вела дорога, вымощенная ещё руками заключённых.

Столбы ограждения пока стояли, а вот колючей проволоки между ними не было – смотали деревенские. Бараки развалились до фундаментов, которые уже поросли березой и осиной. Каменные строения сохранились получше, правда потеряв крыши, двери и окна. В одной из развалин Андрей опознал БУР.

– Здесь отбывал срок философ Лосев, – сказал Андрей. – В приличной стране устроили бы мемориал. А местные жители вместо «вохры» пошли бы работать сюда смотрителями, экскурсоводами и буфетчиками. Гостиницу бы сделали... Остальные «гулаговские» острова еще хуже сохранились. Здесь можно многое восстановить... – Андрей медленно перемещался по развалинам, внимательно глядя под ноги. – Раскопки произвести... Карина, посмотри-ка...

Носком ботинка он выбил из земли помятую алюминиевую кружку. Карина подняла ее и внимательно рассмотрела.

– Какая странная эмблема у этого лагпункта, – удивленно произнесла она. – Интеграл. От серпа и молота – до пятико-

нечной звезды.

– Это не интеграл, – сказал Андрей. – Это змея, вставшая на хвост. Присмотрись. Вот откуда взялся образ змея.

– То есть змей здесь жил уже в середине XX века? – спросила Карина.

– Нет, конечно, – удивился Андрей. – С языческих времен пещера в холме служила святилищем местным племенам. Потом пришли христиане, и святилище оказалось заброшено. Заброшено, но не забыто. И когда вновь настали черные дни, когда рухнуло лагерное рабовладение, когда привел в тупик экстенсивный путь развития, нещадно уничтожавший природные ресурсы, но не приносивший благосостояния, местные жители, не имевшие возможности ни обустроить, ни покинуть эти места, оказались приговорены к бедной, убогой и бессмысленной жизни. Им милостиво предоставили возможность сократить эту жизнь – изнурительной работой, дававшей скудное пропитание, или водкой. Тысячелетие их предки жили примерно так же, но это тысячелетие они провели без телевизора. Телевизор дал возможность сравнивать свою и чужие жизнь. Несправедливость судьбы, доведенной до силы и необоримости древнегреческого рока, вызвала подсознательные попытки местных жителей найти объяснение всему происходящему. И такое объяснение нашлось.

Оно приходит ко всем отчаявшимся. Мир есть порождение сил зла. Собственно, он и есть ад. Самые плохие лю-

ди, самые жадные, рвачи, бездельники, мошенники устраиваются в этом аду хорошо. Честные, благородные, трудолюбивые оказываются унижены и оскорблены. А дальше все просто. Кто-то вспомнил про пещеру, кто-то про эмблему лагеря. Это совместилось в коллективном мозгу деревенского женского схода – и готово, в пещере действительно появился змей, которому действительно следовало приносить жертвы. Типичная материализация продукта коллективного бессознательного.

– Да, но почему только женщины оказались поражены этим... этой иллюзией? – спросила Карина.

– Ну, возможно, мужчины более рациональны. Или пьют больше. И потом в язычестве жречество было чаще всего женским. Или кастрированным, – пожал плечами Андрей. – А вот и тропа.

На тропу это, правда, мало было похоже: скорее узкий лаз меж кустов. Андрей с трудом протиснулся среди ветвей. За кустами оказался заброшенный карьер, весь заваленный поросшими мхом гранитными плитами. Кое-где мох был содран подошвами сапог.

– Андрей, змеи... – тихо произнесла внезапно застывшая Карина.

Действительно, то тут, то там между плитняком текуче переливались серые, с черным узором, гадючьи тела.

– Как я их не люблю! – поморщился Андрей.

И двинулся вперед, внимательно глядя под ноги. Змеи ве-

ли себя мирно: иногда молча, иногда с шипением отползали, чувствуя сотрясение камней от людских шагов.

На другом конце карьера, в скале, стал заметен вход в штольню. Он весь зарос кустарником и мелким ольшаником, но меж листьев проглядывало нечто черное. По мере продвижения к штольне запах – тягучий, тяжелый, непонятный – усиливался и перед входом стал нестерпимым.

– Вот так пахнет перед логовами драконов, – сказал Андрей сквозь прижатый к носу и рту платок.

– Что же делать? – тоже сквозь платок спросила Карина.

– Что-что! Блевать, конечно, – пробурчал Андрей, доставая из-за пояса фонарь. – Местные как-то сюда заходят...

В тусклом свете фонаря дрожали непонятные ленточки, привязанные к камням, шевелился под током воздуха ковер высокой, в полметра, белой плесени, состоявшей из тонких торчащих нитей, каждая из которых была увенчана капелькой... Как ни странно, шедший из глубины смрад был теплым. Влажным и теплым.

– Есть кости, – скучным тоном сказал Андрей. – Еще кости. Все коровьи... Козьи... Ага! Человеческий череп. Полно жуков-могильщиков. И черви, всюду белые трупные черви... Прямо не святилище, а какая-то совхозная ферма...

– Тепло и душно, – сказала Карина. – Непонятно...

– Змеи холоднокровны, поэтому местные натаскали в штольню навоз, а он, разлагаясь, выделяет тепло, – объяснил Андрей. – Вот оно!

Толстая блестящая полоса мелькнула в луче фонаря и скрылась за поворотом. Андрей побежал за ней прямо сквозь ковер плесени. Карина, чуть замешкавшись, кинулась следом.

Черная трехметровая змея, толщиной в хорошее бревно, свернувшись кольцом, лежала в углу. Андрей нацелил на нее видеокамеру мобильного и нажал на кнопку записи. Секунд через десять он запись отключил и сказал:

– Фотоохота окончена. Тихо отходим. Пятясь.

Змея так и не сделала никакой попытки напасть на людей.

А вот у выхода из штольни их ждал сюрприз. Едва Андрей и Карина, задыхаясь, выбрались на свежий воздух, как раздался выстрел, и рядом с ухом Карины пуля отколола кусочек камня. Агенты ЦЕНТРА попадали в кусты и Карина заводи́ла стволом пистолета перед собой, пытаясь определить, откуда пришелся выстрел. Но Андрей первым заметил женскую фигуру в ватнике и с карабином, залегшую на другом краю засыпанного плитняком карьера.

– Марья Петровна! – закричал он. – Что это вы себе позволяете! А еще взрослая женщина, мать! Ведете себя как Соколиный Глаз какой-то!

Ответом был новый выстрел.

– Патронов у нее, наверно, немного, – тихо произнес Андрей для Карины.

И вновь – для Марьи Петровны – закричал:

– Не волнуйтесь вы так! Жив ваш аспид, минотавр домо-

рощенный! Можете ему опять своих мужиков скармливать!

Выстрела не последовало. Андрей осторожно поднялся из-за кустов. Марья Петровна стояла, тяжело опираясь на карабин, упертый прикладом в валун. Не обращая внимания на змей, Андрей и Карина, перепрыгивая с камня на камень, бросились к ней. Змеи возмутились, одна даже клюнула Андрея в ногу, но ботинок не прокусила.

Марья Петровна плакала. Крупные слезы текли по ее круглому лицу, и она утирала их концами камуфляжного платка, по-пиратски повязанного на голове.

– Вы врете, – произнесла она, наконец справившись с рыданиями. – Вы все врете. Думаете, мы телевизор не смотрим, сериал «Сверхсекретные материалы»?.. Вызовете сейчас огнеметчиков, и выжгут они нашего доброго из норки его...

– Марья Петровна! – Андрей обнял рыдавшую женщину за плечи. – Ну какие огнеметчики! Если я в вашу глушь опергруппу пошлю, она меня еще дальше пошлет! Телевизор лучше меньше смотрите... А хотите, я вам помогу заявку на грант в фонд Сороса оформить на создание музея-мемориала «СвирьЛАГа»?

– Нет, – хлопнула носом Мария Петровна. – Нам чужих не надо. Прознают – убьют нашего доброго.

– Почему вы его добрым называете? – спросила Карина. – Он ведь людей ест.

– И, девонька, кто у нас только людей не ест... – пожала плечами Мария Петровна. – Наш добрый хоть ест кого на-

до...

В молчании они дошли до машины.

– Вас подвезти? – спросил Андрей у Марии Петровны.

Та отрицательно покачала головой, закинула карабин на спину и, понурившись, побрела в глубь развалин лагпункта.

Карина села за руль, Андрей – на заднее сиденье, и они поехали.

– К реке, – сказал Андрей. – К любой реке. Мне кажется, я никогда не отмоюсь от этой вони.

– Ты действительно не будешь вызывать опергруппу? – спросила Карина.

– У нас крупнокалиберные пистолеты, Карина, – помолчав, сказал Андрей. – Мы сами могли бы расстрелять аспида в его логове. Но мы же не сделали этого.

– Он не нападал.

– Вот именно. Если у людей отняли добро, хотя бы зло им надо оставить?

– Не знаю... – Карина напряженно смотрела на дорогу. – Зло дает метастазы. Если в этом селе возник настоящий неоязыческий культ, да еще с человеческими жертвоприношениями, не получим ли мы в итоге новую банду, страшнее вампирской? Да, я все понимаю, сейчас культ носит охранительный и адаптационный характер. Но ведь он может трансформироваться?

– Может, – пожал плечами Андрей. – А может и отмереть. Усилиями того же отца Геннадия. Что до уголовных

преступлений, совершенных этими женщинами, то, во-первых, наша контора убийствами не занимается, а, во-вторых, все эти убийства, скорее всего, можно квалифицировать как превышение пределов необходимой самообороны. В конечном итоге женщины защищали свои какие-никакие, а дома от мужей-пропойц.

– Все же мне было бы спокойней, если бы ты убил эту гадину, – сказала Карина.

– Ага. Но ты тогда должна была бы пристрелить Марию Петровну, – парировал Андрей.

Грунтовку сменила узкая, вся в заплатках полоса асфальта. Через полчаса пути она влилась в широкое четырехполосное шоссе. Карина повернула на Питер и включила сирену, чтобы встречные уступали дорогу и можно было бы лететь в свое удовольствие на закат под сто шестьдесят километров в час.

Глава вторая. Тварь (частное расследование)

Пламя камина бросало черно-багровые отблески на кожаные книжные переплеты. Тени скользили, скрешиваясь на фигурах двух химер, стоящих в углах кабинета.

– Хорошо, когда новое дело начинается вот так, – сказал Андрей, – в мягком кресле у камина, со стаканом виски в руке...

Из соседнего кресла донесся голос Карины:

– Никаких срочных ночных вызовов, никаких погонь за вурдалаками, никаких драк на крышах при полной луне... Даже скучно.

– Скучно не будет, – ответил Андрей. – Готовься, напарница. Налей себе еще «Белой лошади». Мы вступаем в схватку с древнейшим ужасом человечества – «чужими».

– Ты про архетип ящера в мифологии? – спросила Карина.

– Шире, коллега. «Чужой» – не обязательно ящер. Вспомни распространенный сказочный мотив «жениха-зверя». Что он обозначает, по-твоему?

– Это символ, который призывает видеть за внешними патологическими признаками патологии внутренние, – стала, как на экзамене, отвечать Карина. – Сюжет в сказках о «женихе-звере», известных практически у всех народов плане-

ты, развивается примерно так: какой-то странный человек ухаживает за девушкой, которая соглашается стать его невестой. Но за несколько дней до свадьбы девушка уходит на прогулку в лес, сбивается с пути, а когда смеркается, забирается на дерево, чтобы уберечься от волков. Пережидая ночь без сна, она видит своего жениха с лопатой на плече. Ей кажется, что в нем есть что-то не совсем человеческое: иногда это странной формы ступня, рука, кисть или волосы, которые ни на что не похожи и выдают его с головой. Жених начинает рыть могилу как раз под тем деревом, на котором она сидит, приговаривая, как он убьет свою очередную жену и похоронит в этой могиле. Перепуганная девушка утром, когда ее будущий муж уходит, бежит домой, рассказывает все отцу и братьям, мужчины хватают жениха-оборотня и убивают. «Женский» вариант этой сказки приводится в сборнике «Тысяча и одна ночь», где описывается брак мужчины и гуля – пустынного духа-людоеда, пребывающего в облике привлекательной женщины. В Японии мы можем найти рассказы о женщинах-лисицах...

– Достаточно, – перебил Карину Андрей. – Владеешь тобой. Я слышу шаги на лестнице. Кажется, это к нам. Карина, только прошу: сегодняшней посетитель – мой старый знакомый; у него серьезная проблема, и он не хочет, чтобы о ней узнал кто-нибудь еще. Ты меня поняла?

– Конечно, шеф. Частное расследование, шеф. Ничего не имею против, шеф, – шутливо отковыряла Карина.

Раздался звонок в дверь, и Андрей поспешил в прихожую. Вошедший мужчина был высок, сутул, бородат, носил очки, имел черные курчавые волосы и представился как «Марк Шнейдер, литератор». Андрей познакомил его с Кариной, дал в руки стакан с виски, усадил в кресло у огня и велел рассказывать. Свет решили не зажигать. На улице, за плотными шторами, закручивались длинные столбы выюги. Ветер свистел в замерзших оконных переплетах.

– Андрей знает многое из того, что я сейчас скажу, – начал Марк, – но, надеюсь, он простит меня за вынужденное повторение нашего телефонного разговора. Мы с Наташей... Натальей Сергеевной Кузнецовой... женаты уже семь лет. Нашему сыну – Даниилу – шесть. Брак был заключен по любви, и все эти годы у нас была не то что хорошая, а просто замечательная семья. Да. Все эти годы.

– Когда ты понял, что все не так хорошо, как кажется? – спросил у Марка Андрей.

– Две недели назад. Мы ждали гостей – мои родители пообещали вечером приехать. Я специально вернулся раньше, чтобы помочь Наталье приготовить ужин. Да, купил бутылку кошерного вина для отца. Прихожу. Наталья выходит помочь мне снять пальто. И вот она стоит за моей спиной, я ее, естественно, не вижу, потом она сдвигается вправо – и боковым зрением я замечаю, что... это не она! Андрей, это не было галлюцинацией. То, что я увидел, вообще не походило на человека. Желтая сморщенная кожа на черепе, полное

отсутствия волос, острые уши, глаза навывкате и фасеточные, как у насекомых, из многих глазков состоящие. Нос и рот объединены в какой-то мерзкой безгубой пасти. Это длилось всего секунду – и тут же перед моим взором опять оказалось такое знакомое и любимое лицо.

– Впечатление было скорее страшное? Или преобладало чувство отвращения? – спросил Андрей.

– Скорее, пожалуй, второе. Так смотришь, к примеру, на фото из лепрозория.

– А что потом? – спросила Карина.

– Потом? – переспросил Марк. – Потом забыть увиденное я уже не мог. За ужином думал только об этом, в голове крутилось пушкинское «Не дай мне Бог сойти с ума, уж лучше посох и сума» Понимаете, я подумал, что это первый признак надвигающегося безумия. Родители и Наташа почувствовали неладное, вечер оказался скомкан, отец и мать ушли раньше, чем планировали. Наталья мыла посуду, а я думал, уставившись невидящим взглядом в экран телевизора, о том, что же, собственно, увидел сегодня. Потом мы легли. Наталья практически сразу уснула. А я – я решил проверить себя. Так же, как давеча, скосил глаза – и все повторилось. Рядом со мной в постели лежала... тварь! Я вскочил, убежал на кухню... С тех пор сплю на раскладушке в детской. Наташа ничего не понимает, плачет по ночам. Даня тоже нервничает, а это ему вредно: у мальчика очень тонкая душевная организация. Долго так продолжаться не может,

но что в таком случае положено делать – ума не приложу.

– Для начала – выпить еще немного виски, – сказал Андрей. – Знаешь, Марек, нет худа без добра. У тебя открылся уникальный дар – видеть «чужих». Или «сущностей», но это словечко наше, профессиональное. Я, к примеру, на такое не способен. Собственно, а чего ты хочешь? Устроиться работать к нам в контору?

– Я хочу знать, что я увидел, – сказал Марк.

– Да ничего такого, – ответил Андрей, махнув рукой. – Наташу я помню, потрясающе красивая женщина. Ну оказалась «чужой»... Так это не уникальный случай. У нас многонациональная страна, из всего многообразия сущностей только оборотни заметны для неспециалистов, и только они и признаны социально опасными. Но с оборотнями семь лет не проживешь, это я тебе как ученый говорю...

– А бракоразводными процессами мы не занимаемся, – добавила Карина. – Если позволите, Марк, вот вам один случай из личного опыта. У меня есть подруга, сова. Оборотень, ночью летает, а днем, в человеческом облике, в основном спит. И все у нее с личной жизнью в порядке, мне бы так.

– Но я не хочу развода, – ответил Марк. – Ведь в таком случае сына оставят, скорее всего, с матерью. А я не отдам ей Даню. И ваш пример, милая девушка, не подходит. Сова – птица хоть и хищная, но не опасная, в чем-то даже симпатичная. Мой же случай прямо противоположен.

– А вот что еще, Марек, – сказал Андрей. – На сына ты

смотрел вот так вот, искоса?

– Не смог, – признался Марк. – Побоялся. Он очень похож на мать: светловолосый, голубоглазый... Понимаешь, я боюсь. Это ведь все равно что жить на бомбе, не зная, когда рванет. Может, ее можно как-то вылечить... Хотя, разумеется, глупость я сейчас сказал.

Все замолчали. Андрей подбросил дров в камин, и огонь занялся; вспыхнула и свернулась оранжевым кольцом кора, но, быстро прогорев, погасла.

– Знаешь, Марек, почему оборотни считаются социально опасными? – спросил Андрей. – Потому что они, обернувшись, теряют свободу воли, ничем не отличаясь в своем поведении от ведомых инстинктом зверей. Ведь что такое человек? Только существо, обладающее свободой выбирать между добром и злом. На бытовом уровне Наталья Сергеевна свободой воли, безусловно, обладает.

– А если ее внутренняя сущность выйдет наружу? – спросил Марк. – Не превратится ли она в автомат, подчиняющийся совершенно иной морали?

– Ну, для этого необходимы экстремальные условия, – успокаивающе произнес Андрей. – Впрочем, все можно проверить. Где в ближайшие дни можно увидеть вас вместе?

– Да хоть завтра, на презентации нового литературного журнала в Доме журналиста на Невском. – Марк назвал время. – Что ты собираешься сделать?

– Ничего особенного, стандартный тест, принятый в на-

шей конторе... Займет всего полчаса. Ну, твое здоровье!

...Весь день сыпал густой снег, прекратившийся лишь к вечеру. На город опустилась мгла, сквозь которую едва пробивался казавшийся рыжим свет фонарей. Сверху нависало красно-серое небо; под ним стояли темно-серые каменные здания, окутанные не то дымом, не то туманом. Сидя в машине, одетая в черную кожу, отороченную светлым мехом, буксуя в снежном месиве, Карина ворчала: мол, ежели смотреть на жену искоса, и не такие ужасы увидишь. Любить надобно, говорила она, с усилием переключая передачи. От любви любая дурнушка красавицей кажется. К адвокату вашему другу надо идти, а не закладывать супругу компетентным органам. Андрей угрюмо отмалчивался.

Новый литературный журнал под названием «Псевдонимы» представляли в Зеленой гостиной Дома журналиста – полуразвалившегося особняка генерала артиллерии Сухозанета. Все вот-вот должно было начаться. Народу собралось немного: пара бутербродных журналистов, скучавших в ожидании фуршета; экзальтированная дама преклонных лет с молодым блеском в глазах – очевидно, редактор; пяток подтосковывавших девушек, рассматривавших трещины на стенах; седовласый мэтр – золотое перо журнала; некрасивые мальчонки пятидесяти лет – видимо, авторы... Марк и Наталья также присутствовали. На нее оглядывались.

Андрей подошел к Марку, тихо сказал что-то на ухо, и тот быстро покинул гостиную. Карина взяла растерянную Ната-

люю под локоток, вывела в соседний зал и, показав жетон ЦЕНТРА, произнесла ритуальные фразы:

– Сущность, вы задержаны до идентификации. Прошу вас следовать со мной.

– А в чем дело? – испуганно произнесла Наталья. – И где Марк?

– Да ни в чем, Наталья Сергеевна, – успокаивающе произнес Андрей, подходя к ней с другой стороны. – Не волнуйтесь. Нам просто нужно задать вам несколько вопросов. А с вашим супругом сейчас беседуют наши коллеги.

Произнес это он настолько легким тоном, что даже у Карины мороз прошел по коже.

В полном молчании они спустились по лестнице Дома журналиста. Наталья едва переставляла ноги, и Карине с Андреем приходилось поддерживать ее, крепко держа за локти. Встречные журналисты прижимались к стенкам и бледнели.

За неприметной низкой дверкой под лестницей, выкрашенной в цвет стены, оказался довольно обширный кабинет, скупо обставленный самой необходимой мебелью: пара стульев, стол, на столе графин с водой, посередине – табуретка, привинченная к полу, на стене – портрет Дарвина. Стены кабинета, как и дверь с противоположной стороны, были облиты толстым слоем звукопоглощающей пены. Наталья как мешок упала на табуретку посреди комнаты. Лицо ее обмякло, стало каким-то бабьим. Холеность исчезла, даже прическа непостижимым образом ухитрилась растрепаться.

– Ну что вы как ребенок, Наталья Сергеевна! – всплеснул руками Андрей. – Садитесь к столу. Вот сюда, пожалуйста.

Наталья, тяжело ступая, преодолела несколько шагов до предложенного стула, села, положив руки на стол.

– Что будете пить? – спросил Андрей. – Здесь где-то есть коньяк и водка.

– Спасибо, ничего, – тихо произнесла Наталья.

– Вы, наверно, теряетесь в догадках, – продолжал Андрей, – зачем это понадобились нашей службе. Сейчас я все объясню. Дело, собственно, касается не столько вас, сколько вашего мужа.

– Что с Марком? – устремился на Андрея испуганный взгляд.

– Марка я знаю много лет. Но тут вот какое дело... Видимо, всё же недостаточно хорошо я его знаю. – Теперь Андрей говорил как бы смущенно, подбирая каждое слово. – Наталья Сергеевна, скажите... вот вам... никогда он не казался... несколько странным?

– Не понимаю, – медленно произнесла Наталья, не сводя глаз с Андрея.

– Вам не приходило в голову, что он не человек? – внезапно резко произнесла Карина, стоявшая за спиной у Натальи, и допрашиваемая дернулась, повернувшись всем телом к ней.

– То есть как – не человек? – переспросила Наталья Сергеевна.

– Потомок ассоциированного вида, – пояснил Андрей. – Про Менделя и горох в школе изучали? Помните, что в потомстве через несколько поколений могут неожиданно проявиться черты далекого предка? Ну вот, мы подозреваем именно такой случай.

– Поэтому быстро и желательно без подробностей отвечайте на мои вопросы. – Голос Карины мог бы заморозить воду в графине. – По вашей оценке, доминирующей эмоциональной составляющей рассматриваемой сущности являются положительные или отрицательные эмоции?

– Как? – слабо переспросила Наталья.

– Ну, проще говоря, в этом мире Марку, наверно, многое не нравится, а? – пояснил Андрей.

– В общем, пожалуй, да... Многое, – ответила удивленно Наталья. – А вам?

– Не задавайте вопросов, – оборвала ее Карина. – Приведите примеры негативного восприятия сущностью реальности.

– Да, в общем, часто, – пожала плечами Наталья. – Когда телевизор смотрит... Ему там практически все не нравится. Еще когда встречается со старыми друзьями... Говорит, что они стали конформистами.

– Вы его любите, – вздохнув, сказал Андрей. – Любите, потому и защищаете. А он? Он вас любит?

– Любит, – твердо произнесла Наталья.

– Нет, – покачала головой Карина. – Он чужой. Он не зна-

ет, что такое человеческая любовь. Чужие способны на сексуальные отношения, даже на защиту потомства, основанную на инстинкте сохранения вида, но настоящая любовь доступна только людям.

– А ведь чужой опасен, Наталья Сергеевна, – подхватил Андрей. – Очень опасен. Для всех нас опасен. Сами говорите: не нравится ему, что по телевизору показывают. Ну так телевизор и выключить можно. А вот если ему наша власть не понравится – как ваш Марк поступит? Ну поговорит с друзьями на кухне. А дальше? Листовки? Демонстрации? Так ведь и до террора дойти можно, вы согласны?

– Конечно, не всякая нечеловеческая сущность опасна, – вновь вступила Карина. – И именно поэтому мы просим вас о помощи. Вы самый близкий Марку человек. Вы единственная можете опровергнуть наши подозрения.

– Просто сообщайте нам обо всех асоциальных поступках своего супруга, – сказал Андрей. – Наши специалисты оценят ваши данные и вынесут свое заключение. Согласитесь, это гуманнее, чем помещать Марка в стационар, где обследование может занять и год, и два... Конечно, вы можете отказаться...

– Нет-нет, – быстро произнесла Наталья. – Я согласна.

– Вам ничего не угрожает, – проговорила Карина, – даже если вы откажетесь сотрудничать.

– Я понимаю, – кивнула головой Наталья. – Нет. Я согласна. Я имею право знать, кем на самом деле является мой муж

и отец моего ребенка.

– Вот и славно, – сказал, вставая со стула, Андрей. – Вы свободны. Наши сотрудники свяжутся с вами.

Он подошел к двери, открыл ее ключом, висевшим на цепочке, пристегнутой к запястью, и посторонился, пропуская женщину вперед.

* * *

Горка мюсли красиво осыпалась в молоко в прозрачной стеклянной тарелке. В начищенном до блеска кофейнике отражался Андрей, сидевший за столом. Напротив, также перед тарелкой с мюсли, сидела Карина, вяло перемешивая ложкой молочно-белую кашу.

– Андрей, а чего-нибудь другого у тебя нет? – наконец не выдержала девушка. – Ну, мяса, что ли...

– Мясо будет к обеду, мисс, – строго ответил Андрей. – Есть яйцо всмятку. Одно.

– Ладно, дай хоть яйцо, – вздохнула Карина. – Пригласил позавтракать, называется. Попадешь к тебе в дом – научишься есть что угодно...

Но только Андрей поднялся из-за стола, как тренькнул входной звонок, и вместо кухни ему пришлось направиться в прихожую.

– Входи, Марк, мы тебя ждем, – произнес он, открывая дверь.

Вид у Марка был страшен. Казалось, он постарел на несколько лет. Даже в волосах появилась седина. Глаза запали, черные мешки под ними угрожающе нависли.

– Чай, кофе, молоко? – непринужденно предложил Андрей, будто не замечая состояния приятеля.

Марк обвел Андрея и Карину невидящим взглядом. Потом попытался, уставившись в окно, скосить на них глаза. Андрей с улыбкой наблюдал за его действиями.

– Мы люди, – мягко сказала Карина. – Успокойтесь.

– Почему вы меня не предупредили? – почти закричал Марк.

– О чем? – недоуменно спросила Карина. – Об опасностях смешанных браков?

– Марк стал смотреть на окружающих искоса, – пояснил Андрей, – низко голову наклоня. И теперь ему трудно высказать и не высказать то, что на сердце у него.

– Вы сами-то знаете, сколько вокруг нас тварей? – спросил Марк.

– До девяноста процентов населения нашей страны – потомки ассоциированных видов, – ответила Карина.

– Мне казалось, позавчера мы тебе об этом весь вечер толковали, – добавил Андрей. – А что точную цифру не назвали – так, прости, секрет. Впрочем, ты бы и не поверил.

– Что же мне делать? Почему я их вижу? Вы не представляете, как это страшно!

– Почему же – очень хорошо представляем, – ответил Ан-

дрей. – Да ты присядь. Кофе выпей, я сам варил. Замечаешь, чай почему-то «кипятят», а кофе «варят», а? Человеческий мозг – инструмент очень сложный. Ты, наверно, знаешь, что наш глаз видит все вверх ногами, так уж он устроен. А в мозгу все опять переворачивается, вот. Тебе с сахаром?.. Так вот, о тварях. Мы все их видим. Но давным-давно наш мозг выработал определенную психическую реакцию. Мы просто не воспринимаем то, что видят наши глаза. Я на аналогии поясню. Вообще-то младенец рождается красно-синим, дрожащим, мокрым, вонючим и донельзя противным. Но матери он кажется очень красивым. Понятно? Во все века рождались такие люди, как ты. И шли они в основном в жречество или инквизицию. Чтобы убивать тварей. Сейчас, конечно, времена другие. Существуют апробированные методики проверки, самым известным из которых является «тоталитарный тест» Теодора Адорно. Благодаря им мы легко можем оценить потенциальную опасность, исходящую от сущности, и, соответственно, установить ей превентивную систему запретов. Многие сущности идут на сотрудничество с нами и добровольно следуют нашим предписаниям. Это к тому же нередко продлевает им жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.